

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ТАСС
УПОЛНОМОЧЕН
ЗАЯВИТЬ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Семенов, Юлиан Семенович.
С30 ТАСС уполномочен заявить / Юлиан Семенов. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Золотая эра отечественного детектива).

ISBN 978-5-04-186579-5

Советским контрразведчикам поставлена сложная задача — срочно выявить резидента ЦРУ, собирающего секретную информацию по одной из африканских стран, где зреет государственный переворот. Операция поручена полковнику КГБ Виталию Славину. Он затевает опасную игру с западными спецслужбами, не предполагая, что в скором времени сам окажется в качестве заложника. Вот тогда, чтобы выполнить ответственное задание, полковнику Славину пригодятся его природные данные и богатый оперативный опыт...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Семенов Ю.С., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-186579-5

Штрих к «ВПК»¹ (I)

— Видите ли, Майкл, — задумчиво сказал Нелсон Грин, наблюдая за тем, как внуки кувыркались в бассейне, выложенном красным туфом, привезенным из Турции, — всякое ощущение верно как ощущение. Другое дело — суждение об ощущении. Оно может быть истинным или ложным... Я запомнил лекцию профессора Митчела, вы еще тогда были ребенком, а не заместителем директора Центрального разведывательного управления... Митчел говорил, что если весло, погруженное в воду, кажется сломанным, то ощущение в этом случае верно, поскольку наблюдающий испытывает именно это ощущение. Но если в силу этого он станет утверждать, что весло действительно сломано, то суждение окажется ложным... Ошибки людские, дорогой Майкл, заключаются не в ложных ощущениях — бог с ними, с ощущениями, — а в ложном суждении...

Нелсон Грин прищурился, глаза его, маленькие, словно капельки воды, были спрятаны под седыми бровями; на заседаниях Наблюдательного сове-

¹ «ВПК» — военно-промышленный комплекс.

та его корпорации «Ворлд'з дайамондс» секретари и стенографисты никак не могли понять — смотрит старик или спит с открытыми глазами.

Майкл Вэлш улыбнулся:

— Значит, мое ощущение, что земляника, которую нам сейчас давали, пахнет травами Техаса, верно?

— Это не ощущение. Это суждение, Майкл, и суждение ложное. Земляника, которую нам давали, не может пахнуть травами Техаса, там еще холодно; она пахнет Африкой, мне теперь приходится гонять самолет не в Нагонию, а в Луисбург, а это плохо, потому что земляника там дороже на сорок семь центов и расстояние на сто девяносто два километра дальше, это лишнее горючее, а оно стоит денег.

— Не разоритесь? — спросил Вэлш.

— Могу, — в тон ему ответил Грин. — Крах начинается с цента, а не с миллиона.

— В какой мере вы можете подействовать на Пентагон?

Грин отхлебнул глоток жасминного чая, спросил насмешливо:

— Вы имеете в виду доставку земляники на их транспортных самолетах? Думаю, подействовать можно. Но подо что? Есть идеи?

— Есть. Но мне необходима поддержка Пентагона.

— Этот вопрос мы решим. А государственный департамент? С ними обсудили ваши соображения?

— Рано. Их надо включать в последнюю очередь, иначе возможна утечка информации. Наши диплома-

ты стали много пить... Профессиональная болезнь — цирроз печени, я исследовал заключения врачей, выборочно, по трем нашим посольствам: семьдесят процентов чиновников — хронические печеночники...

— Не хитрите, Майкл, не надо. Вы прекрасно знаете, что мои интересы небезразличны нескольким славным парням из Государственного департамента; если я потерял в Нагонии что-то около трехсот миллионов, то они расстались с парой сотен тысяч, а для них и это — деньги...

— Нелсон, поверьте, Государственный департамент сейчас включать еще рано. Если мы сделаем то, что планируется...

— Не спорьте со стариком, — перебил Грин. — Посол по особым поручениям — мой акционер, и он будет говорить то, что ему напишут в моем секретариате. Не отказывайтесь, Майкл, это неразумно. Лучше скажите-ка мне, что у вас за наметки, быть может, я смогу вам пригодиться — хотя бы в качестве советника.

— Наметки занятные. У нас есть агент в Москве. Весьма информированная личность. Следовательно, мы планируем не в *темноте*, мы имеем возможность рассчитывать свой ход, зная возможный встречный ход Кремля. Понимаете? Такого агента у нас еще ни разу не было, Нелсон, поэтому я убежден в успехе.

— Постучите по дереву.

Вэлш постучал пальцем по голове.

— Лучшая порода, — сказал он. — Словно кедр... Так вот, поскольку мы имеем такого человека, удар надо нанести как можно раньше, мы всегда проигры-

вали оттого, что были лишены *суждений* — сплошные ощущения.

— Неплохо вывернули, — заметил Грин. — Во всем люблю законченность, а высшая форма законченности — круг. Что я должен обговорить с Пентагоном?

— Необходимо, чтобы флот был передислоцирован к берегам Нагонии в тот день и час, когда начнется наша операция. Необходимо, чтобы авиация была готова к переброске туда десанта — тысяча человек, не более того, зеленые береты умеют работать четко и точно. Это все.

— Если я понял вас правильно, вы вводите флот и авиацию на последнем этапе? Акция устрашения, так?

— Так.

— Посол по особым поручениям, в котором заинтересован я *лично*, будет включен немедленно?

— Я бы не хотел этого, Нелсон, но если вы настаиваете...

— Спасибо. Когда это может произойти?

— Через две-три недели.

— Администрация финансирует предприятие?

— Вы же знаете их — крохоборы.

— Что ж, я готов купить акции ЦРУ миллиона на полтора, — усмехнулся Нелсон Грин. — Даже на два: слишком явной становится тенденция на сотрудничество с Кремлем. Вена... ОСВ-2... Так что полагаю, ударить в Нагонии — целесообразно. Хотите еще земляники?

— С удовольствием. Только нагонийская мне нравится больше — à rgoros...

Степанов

«Джордж Гриси на фотографиях кажется очень высоким — это неправда. Он небольшого роста, очень худощав, но, несмотря на это, малоподвижен — голову поворачивает осторожно, словно опасаясь увидеть что-то жуткое.

Когда я сказал ему об этом впечатлении, Джордж Гриси медленно, преодолевая неведомую и невидимую тяжесть, ответил:

— У вас правильное впечатление, потому что я только год как снова научился ходить. Всякое резкое движение не просто приносит мне боль, — я боюсь свалиться в госпиталь, а по нынешним временам я не имею на это права.

И он рассказал мне, отчего всего лишь год назад снова научился ходить.

— Во время партизанской войны, когда победа народа ни у кого уже не вызывала сомнений — мы наступали на столицу стремительно, — епископ Фернандес прислал мне письмо: он предложил встретиться в моей родной деревне, он готов был приехать туда один, в любое время, и попробовать договориться о поэтапной передаче нам власти.

Мы обсудили этот вопрос на заседании Бюро: все-таки Фернандес раньше занимал позицию нейтралитета, а это не совсем достойная позиция для служителя церкви Христовой, которая призвана быть на стороне бесправных и обиженных. Тем не менее, я настоял на встрече: мне казалось,

что Фернандес должен помнить о своем детстве, о том, как и ему пришлось испить чашу унижений, пока миссионеры не увезли его, маленького негр-тенка, в Рим.

Мой брат Хулио поднял батальон охраны и передислоцировал его к месту встречи — мы понимали, что колонизаторы знают об этом послании, от них можно ждать всего, даже если учесть, что Фернандес был честен в своем желании добиться мира.

Он и был честен, как оказалось.

Но в мою деревню — ночью, часа за два перед тем, как из джунглей вышел батальон Хулио, — высадились коммандос. Они собрали всех жителей, спросили, кто самый маленький, им назвали новорожденную Роситу, и они прокололи ее штыком на глазах у людей. Потом они увели половину жителей в лес, а оставшимся сказали, что, если те промолвят хоть слово о том, что они — рядом, все семьдесят заложников будут убиты.

«Примите тех, кто придет к вам, — сказали они, — дайте им поговорить, дайте им разойтись, тогда мы вернем ваших людей в целостности и сохранности. Если нарушите приказ и признаетесь, что мы здесь были, переколотим всех — вы видели сами, мы умеем это делать, младенцу не больно, он еще ничего не понимает...»

Тогда мать Роситы закричала, что ребенок все чувствует, но они заткнули ей рот, пробили грудь коротким острым штыком, а людей увели в джунгли.

Когда Хулио пришел из джунглей, он не стал выставлять посты в деревне, потому что Фернандес предупредил: «Власти гарантируют безопасность нашей встречи, если ваши войска останутся на своих позициях, только в этом случае они пропустят меня через кордоны на дорогах».

Понятно, что вся моя семья, все, даже дальние родственники, были среди заложников. Наивные люди полагали, что, выполнив приказ колонизаторов — молчите и мы вернем ваших, — они сохраняют жизнь моим детям, матери и сестре. Что делать, наши люди добры и запуганы, а обет молчания был подкреплён кровью маленькой Роситы и ее матери.

Да, я понимаю, вы проецируете нашу ситуацию на историю вашей войны, но учитите, пожалуйста: люди в России к тому времени были грамотны, читали книги, смотрели фильмы, следовательно, умели отличать белое от черного. Ваши люди прошли школу патриотизма — за ними был опыт труда и борьбы. А что вы хотите от моего народа, который никогда не знал, что такое государство, свое государство?!

Словом, пришел Фернандес, мы с ним встретились, и все шло нормально. Его предложения могли бы стать основой для переговоров. Мы разработали совместную декларацию — он и я, и никого больше, он ведь сам просил об этом, а потом в деревню тихо вползли командос. Я даже не имел оружия — как же не верить епископу, ведь его условием были мирные переговоры.

...Сначала они начали пытаться Фернандеса. Они требовали от него одного лишь признания: «Я получал деньги от коммунистов, и они приказывали мне призывать народ к междоусобице и непослушанию». Он отверг их подачку — жизнь, он достойно держал себя, епископ Фернандес, несмотря на то что они жгли ему ступни углями и втыкали раскаленные иглы под ногти.

Потом они принялись за меня. Они связали мне руки и ноги и подвесили к дереву — я был словно ныряльщик, сиганувший со скалы в море. Но я был очень сильный, и я бы выдержал эту пытку, которую они называют «ласточка», и они поняли, что я могу долго держаться. Тогда они привели мою мать, раздели ее и сказали, что сожгут сейчас же, на моих глазах, если я не отрекусь от моего дела и не расскажу, по какой дороге в джунглях можно подойти к нашему штабу. Я не мог сказать им, вы должны понять меня. Я молчал. Когда они повалили маму и облили ее бензином, я сказал, что каждый из них заплатит жизнью за это злодеяние. Я предложил им казнить меня самой страшной казнью — ведь я же ваш враг, а не старая женщина. Они ответили, что старуха родила бандитов без сердца, раз сын готов принести мать в жертву своим бредовым идеям. Когда они бросили на маму спичку, я стал биться и кричать, а мама просила меня: «Сынок, сынок, ты же сломаешь себя, сынок, не надо!»

Джордж Грисо медленно поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, достал несколько фотографий.

— Вот, — сказал он, — посмотрите, это моя мама. Ее сфотографировали в старости уже. Когда она была молодой, мы не знали, что такое фотоаппарат, мы впервые увидели карточки только лет десять назад. Посмотрите, а я пока позвоню по телефону...

(Не нужно было Гресо звонить по телефону. Просто он не мог дальше говорить, да и мне, признаться, невозможно было слушать дальше.)

— Я все-таки хочу дорассказать, — откашлявшись, продолжил Гресо. — Это очень важно — рассказать все, потому что тогда, быть может, люди в других странах поймут, отчего мы дрались семь лет, теряя братьев, отцов и матерей, и почему мы сейчас будем драться — до последнего. Мы слишком много приняли за нашу свободу, чтобы легко и без смертельного боя отдать ее. Я хочу, чтобы об этом знали все, — вот почему я обязан рассказать вам...

Он закурил, отхлебнул воды и продолжил:

— Потом они привели моего сына, Валерио. Они и его раздели, вернее, не раздели, а сорвали с него рубашку, а это был мой подарок мальчику, и он очень гордился этой рубашкой хаки, перешитой из куртки моей жены. Он очень кричал, он тянул ко мне руки и повторял: «Папочка, спаси меня! Спаси же меня, папочка!»

Епископ Фернандес проклял палачей, и тогда один из командос разрядил в него обойму автомата. А другой пробил голову Валерио прикладом, облил его — бездыханного уже — бен-

зином и, опустившись на колени, щелкнул зажигалкой.

Хулио услышал очередь. Он ринулся в деревню. Последнее, что я помнил, это автомат, направленный мне в живот. Коммандос щекотал меня автоматом, он водил им по коже, как травинкой, и все время повторял: «Ну посмейся же, посмейся, Джордж, ты так весело смеешься, очкастый». А потом он нажал на курок, и я очнулся лишь через два месяца в госпитале. А через три месяца партизаны вошли в Нагонию. Вот потому-то я так медленно поворачиваюсь и с таким трудом хожу. Обидно, конечно, в тридцать шесть лет быть инвалидом, но стрелять я умею по-прежнему, и по-прежнему перо слушается меня.

Он добро улыбнулся горькой, несколько отстраненной улыбкой человека, познавшего смерть, и закончил:

— Я готов ответить на все ваши вопросы, касающиеся ситуации в стране, но только сделаем мы это на следующей неделе: сейчас я улетаю на границу, Огано подтянул туда все свои банды, вопрос нашей государственности, то есть вопрос будущего, сейчас будет решаться на поле боя. Мне кажется, никакие силы не остановят Марио Огано, за которым стоят ЦРУ и Пекин, от удара по нашей родине. Мне кажется, что парламентский исход невозможен. Я тем не менее готов пойти на переговоры с ним, и опять без оружия. Я пойду на переговоры с ним спокойно, потому что убить он сможет только меня, а это совсем

не страшно — погибну за родину. Простите за патетику, но я говорю то, что чувствую, всякое иное слово будет отдавать фальшью.

*Спецкор Дмитрий Степанов,
передано по телефону из Нагонии.*

Для редактора: прошу материал не резать — не надо «щадить» читателя изъятием описания того ужаса, который перенес Гресо. Если дать сто строк, выхолощенных и приглаженных, то лучше вообще не печатать. Вылетаю домой в следующую субботу. Привет всем. Д. С.»

...Посол прочитал репортаж Степанова и спросил его:

— Неужели рука поднимется резать?

— Еще как, Александр Алексеевич.

— Чем вы это объясните?

— Нашим характером. Мягкостью, что ли, а точнее — деликатностью. Но этакая деликатность порой хуже воровства... Вы передачи против алкоголиков видели по телевидению?

— Как-то не приходилось, Дмитрий Юрьевич.

— Советую посмотреть. Вместо того чтобы экранизировать Липатова, есть у него повесть «Серая мышь», история гибели таланта, или снять ленту о том, как умер Модест Мусоргский, мы гипнотизера на экран пускаем, зрители фокуса ждут, а фокуса нет, он же алкоголиков в клинике усыпляет, а потом — усыпляет ли, это еще надо доказать. Жесткое «нет» лучше расплывчатого «может быть»...

— Черт его знает... Пропаганда — одна из форм политики, — жестокость здесь штука опасная.

— Вы имеете в виду внешнюю политику? Согласен. Но я-то говорю о принципе, о том, что режут, чего боятся. Ладно, поплакался, и будет... Чего ждать, Александр Алексеевич?

— Грисио, боюсь, прав: на переговоры Огано не пойдет — ему не с чем идти, он же марионетка, он *сделан*. От него ждут только одного — пучка. Весь вопрос в том — когда? Если бы Грисио имел хотя бы полгода в запасе — ему не страшен ни Огано, ни десять подобных Огано... Горький это, видимо, сюжет: нехватка времени; не человеку — стране... Тем не менее, я что-то никак не возьму в толк американцев — по-моему, они глупят с Огано. Они здесь ведут себя как аналитики — в чистом виде: «треугольник — есть трехсторонняя фигура». И все. Но ведь это низшая ступень мышления, она не перспективна. Синтетическое мышление тем и отличается от здешнего, аналитического, что оно обязательно вводит некий атрибут, который хоть и не заключен в понятие о предмете, но тем не менее помогает предмет понять объемнее, *наперед*: «прямая — есть кратчайший путь между двумя точками»... Без этой философской азбуки они дров наломают. Что б им шире подумать, право слово?! Тогда б, глядишь, не затевали здесь драку. Так что репортаж обозначен дорогим моему сердцу синтезом: вы помогаете понять, отчего здесь будут стоять насмерть. Сказать априорно — ничего не сказать в наш век; победит тот, кто лучше информирует, а информация обязана идти не

только из головы, но из сердца тоже... Когда собираетесь в Москву?

— В субботу, Александр Алексеевич... Но это не надолго, я управлюсь за три-четыре дня.

— У редактора будете?

— Непременно.

— Поклон от меня передайте. Я черкану ему письмо — в вашу поддержку, Дмитрий Юрьевич.

«Весьма секретно.

Москва, Кремль.

Правительство Республики Нагонии просит оказать срочную экономическую помощь. Мы окружены государствами, в которых проамериканские и маоистские группировки объявили открыто об экономической блокаде. Существует угроза прямой военной агрессии. Если мы не получим советскую помощь — судьба нашей революции обречена.

Джордж Грисио, премьер-министр».

«Совершенно секретно.

Москва.

Ознакомившись с положением на месте, полагаю, что те три советника, которые прибыли вместе со мной, не смогут оказать действенной помощи, ибо колониализм оставил здесь в наследство абсолютное культурное безлюдье. Кадров инженеров, врачей, агрономов в Нагонии практически нет, не говоря уже об офицерах. Вылазки реакции повсеместны и ежечасны. Если мы намерены оказать помощь стране, где сорок процентов населения больны туберкулезом, семьдесят — трахомой, девяносто восемь процентов — неграмотно, тогда необходима срочная командировка сюда по крайней мере трехсот, пятисот советников, которые бы не сидели в нашем посольстве, а работали в порту, учили обращению с тракторами, оказали помощь

в организации медицинской помощи. Размещать советников негде, потому что бывшие хозяева отелей вывели из строя всю канализацию, электростанция стоит, бензохранилища пусты.

Посол СССР в Нагонии А. Алешин».

«Совершенно секретно.

Пекин.

Русские начали переброску советников в Нагонию. Генерал Марио Огано по нашей рекомендации запросил военную помощь непосредственно в луисбургском посольстве США. Работа по подготовке выступления портовых грузчиков с бойкотом разгрузки советских поставок продолжается и, видимо, даст ощутимые результаты в течение ближайших недель. На поддержку полковника Абабе из ВВС Нагонии, преданного нам, необходимо триста тысяч долларов.

Посол КНР в Нагонии Ду Ли».

«Центральному разведывательному управлению США.

Подготовка к операции «Факел» практически завершена. Однако по сведениям, поступившим из проверенных источников, можно предполагать, что создание воинских формирований Нагонии закончится значительно раньше намеченного нами выступления. В этом случае проведение операции может встретить ряд трудностей организационного характера, как то: необходимость нашего десанта и введение спецподразделений. Наши источники предполагают также, что в ближайшее время русские поставят Нагонии большую партию грузовиков и сельскохозяйственной техники, что ощутимо повлияет на возможность поддерживать там состояние экономической неустойчивости. Учитывая стратегическую важность операции «Факел», мы крайне заинтересованы, если это возможно, в запросе агента «Умный» о масштабе предстоящих русских поставок, что позволит нам уточнить характер нашей операции и сроки ее проведения.

Роберт Лоренс, резидент ЦРУ в Луисбурге».

Из выступления американского посла по особым поручениям:

— Социальная справедливость, демократия, правопорядок — лишь этого добиваются те патриоты Нагонии во главе с генералом Огано, которые ныне подвергаются бесчеловечному обращению со стороны правительства Грисо. Моя страна никогда не вмешивалась и не намерена вмешиваться во внутренние дела иных государств, однако я не могу не сказать с этой высокой трибуны, что общественность Соединенных Штатов внимательно следит за развитием событий в этой африканской стране. В то же время слухи, распространяемые в прессе стран советского блока о том, что якобы Соединенные Штаты имеют какие-то контакты с Пекином по проведению подрывной работы против нынешнего правительства Нагонии, лишены каких бы то ни было оснований и являются клеветническим вымыслом...

Темп

45225 66167 85441 96551 81713...

Константинов улыбнулся Панову, тот положил перед ним таблицу.

— Сколько всего за этот месяц они ему передали?

— Совершенно невероятное количество — это четвертое. Но отчего так категорично — «ему»? Может, «ей».

— Жаль будет, коли «ей». Все равно расплата одинакова. Но уж больно мужские созвучия в цифрах — не находите?

— «Мужские созвучия в цифрах». Занятное определение. Между прочим, точное, товарищ генерал.

— Значит, полагаете, без ключа эти радиogramмы расшифровке не поддадутся?

— Вот, поглядите, — Панов положил на стол лист бумаги с таинственными точками, цифрами, тире.

— Похоже на ранних итальянских футуристов, — заметил Константинов, поднялся и отправился к себе — сегодня он дежурил по контрразведке. Суббота, можно поработать с бумагами, доделать все, что накопилось за неделю.

В кабинете на столе, в красной папке лежала последняя шифротелеграмма из Нагони: сообщали, что сегодняшней ночью два советских специалиста были обстреляны сепаратистами из группы Огано; оба отправлены в госпиталь в тяжелом состоянии.

Лежала и синяя папка для особо важных документов, в ней — письмо из советского посольства в Нагони.

Славин

— Драка может начаться в самое ближайшее время, — убежденно повторил Степанов. — И она будет страшной.

— Считаешь, что Огано пойдет напролом? — спросил Славин.

— У него нет другого выхода, Виталий.

— У его хозяев есть.

— Ты убежден, что они смогут его контролировать до конца?